

УДК 81'22

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-84-98

«Семотрясение» и другие метафоры лингвистических поворотов

Владимир В. Фещенко

Институт языкознания РАН, Москва, Россия,

vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты семиотической концепции А.Н. Барулина. Введенное им понятие «семотрясение» (под которым подразумеваются значимые периоды резких и масштабных глобальных перемен в эволюции знаковых систем, в том числе языка) ставится здесь в ряд близких метанаучных терминов лингвистической теории, таких как «семиотическая революция», «лингвистический поворот», «языковой эксперимент», «языковая аномалия». Рассматриваются некоторые примеры из языковой практики, которые своей аномальностью наталкивали лингвистов на новые осмысления природы языка. Лингвистика на протяжении последней части XIX и всего XX века концептуализирует аномалии на уровнях семантики, синтактики и прагматики, проходя через три фазы лингвоэстетического поворота вместе с литературными экспериментами. Дискуссии лингвистов о роли правильных и неправильных высказываний в формировании языковых теорий совпадали и по времени, и содержательно с языковым экспериментом художественного толка, обнаруживая общие концептуальные ходы между наукой и искусством в условиях того, что А.Н. Барулин называл «семотрясением».

Ключевые слова: лингвистический поворот, семиотика, языковой эксперимент, аномалия

Для цитирования: Фещенко В.В. «Семотрясение» и другие метафоры лингвистических поворотов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 84–98. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-84-98

© Фещенко В.В., 2024

“Semoquake” and other metaphors of linguistic turns

Vladimir V. Feshchenko

*Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia,
vladimirfeshchenko@iling-ran.ru*

Abstract. The article deals with some aspects of A.N. Barulin’s semiotic conception. The concept of “semoquake” introduced by him (which means significant periods of sharp and large-scale global changes in the evolution of sign systems, including language) is discussed here in a number of close metascientific terms of linguistic theory, such as “semiotic revolution”, “linguistic turn”, “language experiment”, and “language anomaly”. The study considers examples from linguistic practice, which, due to their anomalous nature, prompted linguists to new understandings of the essence of language. Over the last part of the 19th and the entire 20th century, linguistics conceptualized anomalies at the levels of semantics, syntactics and pragmatics, passing through three phases of a linguo-aesthetic turn along with literary experiments. The discussions of linguists about the role of correct and incorrect statements in the formation of language theories coincided both in time and content with an artistic language experiment, revealing common conceptual moves between science and art in the conditions that A.N. Barulin called “semoquake” (*semotryasenie*).

Keywords: linguistic turn, semiotics, language experiment, anomaly

For citation: Feshchenko, V.V. (2024), “ ‘Semoquake’ and other metaphors of linguistic turns”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 84–98, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-84-98

В 2002 г. вышли первые два тома «Оснований семиотики» А.Н. Барулина [Барулин 2002]. Масштаб научного спектра и интеллектуальной глубины Александра Николаевича проявился в этом многотомнике очень ярко, ведь им была поставлена титаническая задача реконструировать эволюцию и самой семиотики, и ее объектов – знаковых систем, от древних ритуалов и мистерий до современной высокой поэзии, в рамках одного курса, одного поистине энциклопедического издания. Остается только сожалеть, что из этого замысла напечатана была лишь начальная часть и несколько томов остались неизданными¹. В отечественной семиотике у такого проекта нет аналогов по масштабу, а из зарубежных можно было бы привести лишь единичные соразмерные попытки суммирова-

¹ Первый том посвящен основным понятиям и предьстории семиотики, второй – истории семиотики до конца XIX в. По-видимому, в последующие тома должны были войти материалы по истории семиотики в XX в.

ния семиотического знания, как в книгах Т. Себеока [Sebeok 2001, У. Эко [Eco 1979] или Дж. Дили [Deely 1990]. Однако ни один из этих классиков не являлся лингвистом, и ценность барулинской семиотической эпопеи – в ее лингвоцентричности, описании семиотических текстов через языковые модели. Семиотическая родословная Барулина при этом имеет глубокие отечественные корни – в трудах лингвистов Р.О. Якобсона, Вяч.Вс. Иванова, Ю.С. Степанова и других.

Тема данной статьи мотивирована одним из ключевых для семиотической концепции Барулина понятий, которое, впрочем, в опубликованных его трудах, кажется, не встречается, но на котором он построил свой отзыв на мою кандидатскую диссертацию, защищенную в 2005 г. Замечу, что и тут эпичность барулинского стиля проявилась ярко – отзыв был на двадцати страницах и зачитывался им на защите более сорока минут. Барулин, безусловно, – мастер крупных форм. Понятие, о котором идет речь, является барулинским неологизмом «семотрясение». Под ним понимается массивная волна лингвистической креативности, массовое экспериментирование с языками, происходящее в какой-либо промежуток истории при серьезных сдвигах и потрясениях в области семиосферы (пространстве, в котором имеют место знаковые акты, по Ю.М. Лотману [Лотман 2000]). Поскольку одним из главнейших предметов интереса Барулина был глоттогенез (и семиогенез), не случайно его отталкивание в этой концепции от наблюдения Н.И. Жинкина о переходе от семиотического языка обезьяны к человеческому языку, когда «замкнутая знаковая система начинает бурно пополняться новыми структурно значимыми элементами и приходит в состояние дестабилизации»². Из этого наблюдения Барулин делает вывод: «Всякий раз, когда мы наблюдаем, что носители языка или языков, и других семиотических систем начинают обращать на них особенно пристальное внимание, антропоморфная семиосфера в целом и языковая система находится в состоянии дестабилизированности».

Мощнейшим «семотрясением» является, с этой точки зрения, период конца XIX – первых десятилетий XX в. Этот промежуток времени, по Барулину, «характеризуется небывалым вниманием интеллектуальной элиты к языку и другим семиотическим системам, небывалым числом самых разнообразных экспериментов и в языковом строительстве». Здесь упоминаются огромные по масштабам

² Здесь и далее цитируется неопубликованный отзыв официального оппонента А.Н. Барулина на кандидатскую диссертацию В.В. Фещенко «Языковой эксперимент в русской и английской поэтике (1910–1930-е гг.)» (Москва, Институт языкознания РАН, 2004).

массовые эксперименты по возрождению иврита или по очистке турецкого языка от арабских и персидских заимствований (шел с 1928 г. по инициативе Кемалья Ататюрка), в этом же ряду стояло построение литературного норвежского языка нюношк, эстонского литературного языка и т. д., а также строительство искусственных языков (воляпоук, эсперанто, идо, идиом-нейтраль и др.). В последней четверти XIX – начале XX в. появилось, отмечает Барулин, большое количество течений, так или иначе связанных с языковой проблематикой, в философии и логике, и новые революционные течения в лингвистике (структурализм), литературоведении (формализм), психологии – фрейдизм, и в массовом создании алфавитов для бесписьменных языков, например в России коренное изменение языковой политики и т. д. Полный набор этих фактов перечислен в статье [Айхенвальд, Барулин 1988].

Волна от потрясения семиотического сознания европейского населения тех времен, замечает Барулин, была интернациональной и продолжала широко распространяться по Европе, меняя формы и захватывая все бóльшие и бóльшие семиотические фрагменты культуры. Так продолжалось до начала Первой мировой войны, после чего тенденция национального объединения и консолидации сменилась на противоположную – замыкание народов в рамках национальных идеологий. При этом литература, подчеркивается в отзыве, «осталась той заводью, которая не подчинилась общему развороту: там волна экспериментов над языком продолжалась». Как раз этой волне экспериментов с языком в художественной литературе была посвящена диссертация [Фещенко 2004]. Языковой эксперимент рассматривается в ней как языковая деятельность, направленная на художественное или научное исследование собственных эстетических и познавательных возможностей. И такой эксперимент, по моим выводам, проводится как в поэтической практике этого периода, так и в лингвистических концепциях, сопутствующих этому языковому повороту.

Барулинское понятие «семотрясения» – более объемное по содержанию, чем «языковой эксперимент», и указывает на семиотическую революцию в разных областях мышления, поведения и творчества. К подобному же понятию «культурного взрыва» обращается в последний свой период и Ю.М. Лотман. Так, в статье «Технический прогресс как культурологическая проблема» (1988) при обсуждении понятия «научной революции» как переломного процесса в самосознании человека Лотман между делом употребляет другой родственный термин – «семиотическая революция»: «Великие научно-технические революции неизменно переплетаются с семиотическими революциями, решительно меняющими

всю систему социокультурной семиотики. Прежде всего следует отметить, что окружающий человека вещественный мир, наполняющий его культурное пространство, имеет не только практическую, но и семиотическую функцию. Резкая перемена в мире вещей меняет отношение к привычным нормам семиотического освоения мира» [Лотман 2000, с. 636].

Из этого замечания следует, что «семиотическая революция» является родовым понятием для более частных «революций» – политической, экономической, научной, художественной. Это тот «культурный сдвиг», который затрагивает сразу все области проявления знаковых отношений. У А.Н. Барулина понятие «семотрясения» так же, как и лотмановский «взрыв», диалектически связано с континуальным процессом «семиотической эволюции». Еще одно синонимичное понятие в барулинской терминосистеме – «семиотический поворот», который он понимает как расширение поворота лингвистического. И я хотел бы остановиться чуть подробнее на этом понятии «поворот», которое также является одной из метанаучных и трансдисциплинарных метафор культурных сдвигов, частными случаями которых бывают трансформации языка и роли языка в культуре и социуме.

В философии термин «лингвистический поворот» довольно четко определен и охватывает конкретный круг направлений в философских исследованиях³. Однако гуманитарные исследования последнего времени указывают на то, что сам лингвистический поворот был частью более обширной, трансдисциплинарной тенденции в культуре и науке XX в., которую можно назвать «поворот к языку» (a turn to language). Вообще под поворотом в науке понимается междисциплинарная направленность на определенную совокупность явлений, связей и процессов, повышенное внимание к этим проблемам в определенный исторический период. От «научной революции» поворот отличается не столь резкими изменениями взглядов на мир и может охватывать несколько парадигм⁴. Ре-

³ Он был заявлен в коллективной работе под редакцией американского философа Р. Рорти [Rorty 1967] по отношению к логико-философским учениям 1920-х гг.

⁴ «Термины *поворот мысли* (так можно условно перевести английское *turn* и немецкое *Wende* в таких словосочетаниях, как *linguistic turn*, *pragmatic turn*, *cognitive turn*, *interpretative turn* и т. п.) и *волна* (например, прагматическая волна) лишены драматизма, привносимого термином *революция*, и относятся скорее к интервалу времени, чем к точке. Ведь поворот замечается только после того, как произошел, и назад вернуться не всегда возможно» [Демьянков 2016, с. 76].

волюция описывается Т. Куном как «изменение взгляда на мир» и «смена понятийной сетки» [Кун 1977]. Последовательный переход от одной парадигмы к другой осуществляется, согласно Куну, через революции.

«Поворот к языку» выразился, в первую очередь, в зарождении теоретической лингвистики в учении Ф. де Соссюра, т. е. утверждении лингвистики (а заодно и семиотики) как науки. Художественные процессы начала XX в. также характерным образом были повернуты к языковой проблематике и к языковому эксперименту⁵. Выразился поворот к языку и в таких областях, как богословие, искусствоведение, литературоведение и даже в естественных науках (например, в физике, ср. с трактатом В. Гейзенберга «Реальность и ее порядок» 1942 г. (переизд. [Heisenberg 2019]), в котором известный физик рассматривает язык поэзии как особый язык описания реальности). Кроме того, «поворот к языку» стоит в ряду других поворотов интеллектуальной мысли уже более позднего времени, таких как культурный, перформативный, иконический, интерпретативный, переводческий поворот и др. [Бахманн-Медик 2017]. Одним из недавних таких поворотов, значимых для лингвистики, является когнитивный⁶, включающий в себя и более частные повороты, как, к примеру, «жестовый поворот» [Ирисханова 2016] в лингвистических исследованиях. Таким образом, лингвистический поворот был частью более разветвленных процессов в эволюции науки и культуры последнего столетия, связанных с направленностью на язык.

Можно говорить и о более частных проявлениях таких поворотов к языку, в частности о контактах и соотношениях между теорией языка, эстетической теорией и художественно-языковым экспериментом. Под лингвоэстетическим поворотом я понимаю направленность на научное изучение эстетики словесного творчества, с одной стороны, и на художественное творчество, ориентированное на языковой эксперимент – с другой. В XX в. этот поворот проходит через три фазы: формально-семантическую (1900–1910-е гг.), функционально-синтаксическую (1920–1950-е гг.), акционально-прагматическую (1960–1990-е гг.). Это в целом соответствует эволюции лингвистических методов от формализма и словоцентрических подходов – до прагматических неслово-

⁵ Лингвистика как наука становится в XX в. также предметом изображения в художественной литературе, от Б. Шоу до В. Каверина и А. Солженицына, см. об этом [Вельмезова 2014].

⁶ *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З.* Когнитивная революция, когнитивный поворот // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 72–73.

центрических подходов (как их называет В.М. Алпатов в книге [Алпатов 2018]), т. е. соответствует движению от семантики к синтактике и далее к прагматике⁷.

Проиллюстрировать эти подходы и переходы от одних подходов к другим можно на примерах аномалий, попадающих в фокус исследования лингвистов. Эти аномалии оказываются в фокусе внимания лингвистов как «отрицательный языковой материал» и одновременно (но не обязательно синхронно) порождаются как поэтические тексты в экспериментальной литературе. Далее в статье я затрону тему аномалий как предпосылок для революции знания, в данном случае знания о языке.

В общем виде роль аномалии в научном знании была обстоятельно обоснована Т. Куном в его теории научных революций. Согласно Куну, предпосылкой любой научной революции служит появление аномальных фактов. Аномальные факты создают кризис в научной теории и побуждают ученых искать новые объяснительные модели: «Открытие начинается с осознания аномалии, то есть с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навеянные парадигмой ожидания, направляющие развитие нормальной науки. Это приводит затем к более или менее расширенному исследованию области аномалии. И этот процесс завершается только тогда, когда парадигмальная теория приспособливается к новым обстоятельствам таким образом, что аномалии сами становятся ожидаемыми» [Кун 1977, с. 80]. Таким образом, к примеру, была изобретена так называемая лейденская банка, ставшая результатом осознания аномалии в области электричества, а это изобретение породило целую научную парадигму в электрофизике.

Далее мы рассмотрим некоторые примеры из языковой практики, которые действительно своей аномальностью наталкивали лингвистов на новые пути осмысления природы языка.

Аномалия понимается в общем виде как отклонение от нормального состояния какого-либо явления. Так, еще в 1915 г. Э. Сэпир опубликовал статью об аномальных речевых приемах в североамериканском языке нутка [Sapir 1949]. Аномальными он их назвал потому, что правила данного языка не укладывались в общепринятые представления лингвистов того времени об устройстве языков мира, следовательно, они были признаны отклонениями от общей закономерности. Общее определение аномалии в лингвистике впервые было дано в 1970-е гг. Ю.Д. Апресяном, понимавшим под ней «нарушение правила употребления

⁷ Лингвоэстетическому повороту посвящена моя докторская диссертация [Фещенко 2020].

какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990, с. 50] и видевшим в ней «точки роста новых явлений». На основе существующих трудов о языковых аномалиях можно сформулировать рабочее семиотическое определение аномального текста как любой произнесенной или написанной последовательности языковых знаков, демонстрирующих те или иные девиации от принятых в стандартном языке законов сочетаемости знаков и смыслов и, следовательно, отклоняющихся от принятых моделей коммуникации, понимания и интерпретации в рамках данной знаковой системы. Аномальный текст является результатом языкового эксперимента, либо намеренного, либо ненамеренного. При этом функции языкового эксперимента могут быть различными и могут выражаться в различных коммуникативных процедурах – порождение текста на искусственном, воображаемом, неизвестном или изобретаемом языке; языковая игра, лингвистический мысленный эксперимент, патологии речи и некоторые другие. Аномалия может служить и функции метаязыковой – когда становится предметом научного анализа у лингвистов.

Формально-семантическая фаза рассматриваемого нами поворота может быть продемонстрирована работой Ф. де Соссюра с анаграммами в художественных текстах [Starobinski 1979]. Так, в примерах из древних текстов, а также неолатинского стиха итальянского поэта Дж. Пасколи Соссюром реконструируются анаграммы, т. е. слова, скрытые за другими словами. Соссюр следует при этом своему постулату «Язык есть форма, а не субстанция» и исследует в материальности знаков скрытую семантику. К такой же технике он прибегает при анализе глоссолалической речи медиумических сеансов, отыскивая смысл в бессмысленных сочетаниях букв и слогов. Эта работа лингвиста, при всей ее маргинальности, напоминает эксперименты французского, а затем и русского символизма с фоносемантическим уровнем стиха.

В рамках той же формальной парадигмы И. Бодуэн де Куртенэ породил аномальные слова и их сочетания; в его полемической статье против «зауми» футуристов приводится несколько примеров текстов на таком «заумном языке»: *Караменота селулабиха // Керемунта шёвелесула // Туутамкунита чорчорпелита*⁸. Однако бессмысленность таких сочетаний, напоминающих глоссолалию русских сектантов, описанную у Д.Г. Коновалова⁹, В.Б. Шклов-

⁸ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 391 с.

⁹ Коновалов Д.Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектанстве. Сергиев-Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1908. 256 с.

ского [Шкловский 2000] и Р.О. Якобсона [Якобсон 1987], убеждало польско-русского лингвиста в том, что язык не образуется из чистого звукосочетания. Чему вроде бы противостояла языковая практика футуристов с работой над «словом как таковым» и «буквой как таковой». Однако в обоих случаях мы имеем дело с обостренностью внимания к материальному и формальному составу отдельных слов и звуков в его связи с семантикой, и у лингвиста Бодуэна, и у поэта Хлебникова.

Пример второй, функционально-синтаксической фазы – интерес лингвистов и лингвистических философов к аномалиям на лексико-грамматическом и логико-синтаксическом уровне и аналогичные девиантные процессы в литературе.

Пример такой аномалии: построенная Л.В. Щербой грамматически верная фраза, но состоящая из лексически несуществующих слов *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка*¹⁰. Для самого Щербы этот пример подчеркивал значимость лингвистического эксперимента и «отрицательного языкового материала» [Щерба 1974] не только в обучении языку, но и в понимании сущности языковых явлений. В частности, этой фразой иллюстрировался важный тезис о том, что в сознании говорящего всегда присутствуют абстрактные грамматические структуры, подчас даже не нуждающиеся в лексически нормальном наполнении. Примеры подобных упражнений Щерба при желании мог бы почерпнуть из существующей поэзии футуристов, например из стихотворения И. Терентьева «Серенький козлик» 1918 г.: *моснял мазами сено / кутка неизверная / тена фразам исчерна / нерно прокатом*. Не исключено, что именно такие стихи могли вдохновить русского лингвиста на его лексико-грамматический эксперимент.

Другой пример аномалии функционально-синтаксического типа был предложен британским лингвистом Ч.К. Огденом в своем важном труде 1923 г. по семиотике и теории значения. Здесь приводится в пример фраза, состоящая из несуществующих слов: “Suppose someone to assert: *The gostak distims the doshes*. You do not know what this means; nor do I. But if we assume that it is English, we know that *the doshes are distimmed by the gostak*. We know too that *one distimmer of doshes is a gostak*. If, moreover, the doshes are galloons, we know that *some galloons are distimmed by the gostak*. And so we may go on, and so we often do go on” [Ogden, Richards 1972, p. 46].

¹⁰ Она употреблялась Щербой на лекциях к курсу «Основы языкознания». Замечу, что фраза о «глокой куздре» была вышита на ремне, который был подарен А.Н. Барулину его учениками и который Александр Николаевич часто с удовольствием носил.

Здесь демонстрируется, как и в русском примере Щербы, что в языке возможно значение и без реально существующих денотатов и референтов. Знаки даже в таком аномальном высказывании имеют значение и, более того, допускают различные дальнейшие синтаксические операции по анализу этого значения. В школе логического позитивизма предметом полемики стали фразы, сочиненные Р. Карнапом: *Caesar ist eine Primzahl* («Цезарь – это простое число»), *This stone is now thinking about Vienna* («Этот камень думает сейчас о Вене»), *Piroten karulieren elatisch* («Пироты карулируют эластично»). Подобные псевдовысказывания представляют собой либо ошибки категоризации, либо составлены из несуществующих лексем, оставаясь при этом грамматически корректными.

В книге французского структуралиста Л. Теньера «Основы структурного синтаксиса» (1959) обсуждается вопрос об абсурде, возникающем при аномальном взаимодействии структурного и семантического планов высказывания. Приводится искусственно сочиненная фраза: *Le silence vertébral indispose la voile licite* («Позвоночная тишина настраивает против законной пелены»). Как полагает Теньер, смысла в данной фразе нет никакого, но при всем при том сохраняется четкая структура французского синтаксиса (считается, что Теньер опередил Хомского в изобретении подобной фразы) [Tesnière 2015, p. 35]. При этом тут делается ссылка на «поэтов сюрреализма и футуризма», впрочем, без уточнения того, имеется у них все-таки смысл или нет, но сама референция уже значима: лингвист учитывает практику авангардной поэзии при обработке своего «отрицательного языкового материала».

Отдельного внимания заслуживает в этом ряду фраза, введенная в научные дискуссии Н. Хомским уже в 1950-е гг. Она известна в двух вариантах:

1. Colorless green ideas sleep furiously.
2. Furiously sleep ideas green colorless [Хомский 1962, с. 418].

Для Jakobson, вышедшего из кругов русских футуристов, обе фразы Хомского выглядели вполне успешными и осмысленными после экспериментов В. Маяковского, В. Хлебникова, А. Крученых и особенно учитывая американский контекст – Э.Э. Камминга. При семантической и синтаксической аномальности она могла бы быть и неаномальной в каком-либо поэтическом контексте. Как показали Р.О. Jakobson [Jakobson 1985] и после него Б.А. Успенский [Успенский 2007], такая фраза вполне могла бы выглядеть семантической и даже синтаксической в поэтическом или фольклорном контексте.

Наконец, в рамках третьей, акционально-прагматической фазы аномалии фиксируются на уровне высказываний (вроде иллоку-

тивных самоубийств типа *I lie that Jones did it; Идет дождь, но я не утверждаю, что идет дождь* Дж. Мура или трактовка Остином аномальных перформативов в поэзии). Анализируя фразу *Go and catch a falling star* из стиха Дж. Донна, Остин недоумевает, как возможно вообще осуществление подобного действия – «поймать падающую звезду» [Austin 1962]. Лингвистика прагматической направленности часто черпала аномалии из литературы абсурда, в которой, как правило, нормальные с точки зрения семантической и синтаксической связности предложения оказывались аномальными на уровне прагматики высказывания. Особенно характерны здесь диалоги из текстов Хармса, Беккета и Стопшарда. В поэтической практике прагматический поворот был манифестирован в концептуальном письме (русском и американском), работающим с иллокутивным модусом поэтического высказывания.

Таким образом, согласно этим трем базовым парадигмам, лингвистика на протяжении последней части XIX и всего XX века концептуализирует аномалии на уровнях семантики, синтактики и прагматики, проходя через три фазы лингвоэстетического поворота вместе с литературными экспериментами. Дискуссии лингвистов 1920–1930-х гг. о роли правильных и неправильных высказываний в формировании языковых теорий совпадали и по времени, и содержательно с языковым экспериментом художественного толка, обнаруживая общие концептуальные ходы между наукой и искусством в условиях того, что А.Н. Барулин называл «семотрясением». Еще на заре лингвистической науки языковые аномалии были признаны «патологией» языка. Об этом в медицинских терминах рассуждал еще в 1885 г. И. Бодуэн де Куртенэ: «В области языкознания описание и объяснение обычных, нормальных языковых явлений соответствует физиологии, а описание и объяснение языковых аномалий — патологии»¹¹. За XX век языковой и литературный опыт проделал столь длительный и интригующий путь, что аномалии текста уже вряд ли можно рассматривать как болезнь языка, а скорее, как продуктивный способ языковой креативности и метаязыковой рефлексии.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

¹¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. С. 142.

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00040) at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Литература

- Айхенвальд, Барулин 1988 – *Айхенвальд А.Ю., Барулин А.Н.* К грамматике синтеза форм слова // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Т. 1. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1988. С. 36–44.
- Алпатов 2018 – *Алпатов В.М.* Слово и части речи. М.: Изд. дом «ЯСК», 2018. 256 с.
- Апресян 1990 – *Апресян Ю.Д.* Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986)*. М.; Л.: Наука, 1990. С. 50–71.
- Барулин 2002 – *Барулин А.Н.* Основания семиотики: Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1, 2. М.: Спорт и культура-2000, 2002. 464 с.
- Бахманн-Медик 2017 – *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
- Вельмезова 2014 – *Вельмезова Е.В.* История лингвистики в истории литературы. М.: Индрик, 2014. 416 с.
- Демьянков 2016 – *Демьянков В.З.* Языковые техники «трансфера знания» // *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии*. М.: Культурная революция, 2016. С. 115–136.
- Ирисханова 2016 – *Ирисханова О.К.* «Жестовый поворот» как проявление антропоцентризма в когнитивной лингвистике // *Когнитивные исследования языка*. 2016. № 27. С. 50–61.
- Кун 1977 – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
- Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера: культура и взрыв: Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
- Успенский 2007 – *Успенский Б.А.* Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2007. 320 с.
- Фещенко 2004 – *Фещенко В.В.* Языковой эксперимент в русской и английской поэтике (1910–1930-е гг.): Дис. ... канд. филол. наук. Ин-т языкознания РАН. М., 2004. 324 с.
- Фещенко 2020 – *Фещенко В.В.* Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном эксперименте: Дис. ... д-ра филол. наук. Ин-т языкознания РАН. М., 2020. 450 с.
- Хомский 1962 – *Хомский Н.* Синтаксические структуры // *Новое в лингвистике*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. Вып. 2. С. 412–527.
- Шкловский 2000 – *Шкловский В.* Заумный язык и поэзия // *Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания*. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. С. 258–265.

- Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
- Якобсон 1985 – *Якобсон Р.О.* Взгляды Боаса на грамматическое значение // Якобсон Р.О. Избранные труды. М.: Прогресс, 1985. С. 231–238.
- Якобсон 1987 – *Якобсон Р.О.* Новейшая русская поэзия. набросок первый: Велимир Хлебников // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 272–317.
- Austin 1962 – *Austin J.* How to do things with words. Oxford: Clarendon Press, 1962. 174 p.
- Deely 1990 – *Deely J.* Basics of semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 164 p.
- Eco 1979 – *Eco U.* Theory of semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 354 p.
- Heisenberg 2019 – *Heisenberg W.* Ordnung der Wirklichkeit, Berlin: Springer, 2019. 240 p.
- Ogden, Richards, 1922 – *Ogden C.K., Richards I.A.* The meaning of meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. L.; Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1922. 388 p.
- Rorty 1967 – The linguistic turn: recent essays in philosophical method / Ed. by R. Rorty. Chicago: University of Chicago Press, 1967. 416 p.
- Sapir 1949 – *Sapir E.* “Abnormal types of speech in Nootka” // Sapir E. Selected writings. Berkeley: University of California Press. P. 179–197.
- Sebeok 2001 – *Sebeok Th.A.* Signs: an introduction to semiotics. Toronto: University of Toronto Press, 2001. 201 p.
- Starobinski 1979 – *Starobinski J.* Words upon words: the anagrams of Ferdinand de Saussure. New Haven: Yale University Press, 1979. 160 p.
- Tesnière 2015 – *Tesnière L.* Elements of structural syntax. Amsterdam: John Benjamins, 2015. 782 p.

References

- Aikhenval'd, A.Yu. and Barulin, A.N. (1988), “Towards the grammar of the synthesis of word forms”, in *Sinkhroniya i diakhroniya v lingvosticheskikh issledovaniyakh* [Synchrony and diachrony in linguistic studies], vol. 1, Institut vostokovedeniya AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 36–44.
- Alpatov, V.M. (2018), *Slovo i chasti rechi* [Word and parts of speech], Izd. dom “YaSK”, Moscow, Russia.
- Apresyan, Yu.D. (1990), “Language anomalies: types and functions”, in *Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya: Pamyati akademika Georgiya Vladimirovicha Stepanova (1919–1986)* [Philological research. In memory of academician Georgy Vladimirovich Stepanov (1919–1986)], Nauka, Moscow, USSR, pp. 50–71.

- Austin, J. (1962), *How to do things with words*, At the Clarendon Press, Oxford, UK.
- Barulin, A.N. (2002), *Osnovaniya semiotiki. Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya*. [Foundations of semiotics. Signs, sign systems, communication], part 1, 2, Sport i kul'tura–2000, Moscow, Russia.
- Bachmann-Medick, D. (2017), *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukahh o kul'ture* [Cultural turns. New landmarks in the sciences of culture], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Chomsky, N. (1962), “Syntactic structures”, in *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], issue 2, Izd-vo inostrannoi literatury, Moscow, USSR, pp. 412–527.
- Deely, J. (1990), *Basics of semiotics*, Indiana University Press, Bloomington, IN, USA.
- Dem'yankov, V.Z. (2016), “Yazykovye tekhniki ‘transfera znaniya’”, in *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies], Kul'turnaya revolyutsiya, Moscow, Russia, pp. 115–136.
- Eco, U. (1979), *Theory of semiotics*, Indiana University Press, Bloomington, IN, USA.
- Feshchenko, V.V. (2004), *Yazykovoi eksperiment v russkoi i angliiskoi poetike (1910–1930-e gg.)* [Language experiment in Russian and English poetics (1910–1930s)], Ph.D. Thesis (Philology), Institut yazykoznavaniya RAN, Moscow, Russia.
- Feshchenko, V.V. (2020), *Lingvoesteticheskii povorot v teorii yazyka i khudozhestvennom eksperimente* [Linguo-aesthetic turn in the theory of language and artistic experiment], D. Sc. Thesis (Philology), Institut yazykoznavaniya RAN, Moscow, Russia.
- Heisenberg, W. (2019), *Ordnung der Wirklichkeit*, Springer, Berlin, Germany.
- Iriskhanova, O.K. (2016), “‘Gesture turn’ as a manifestation of anthropocentrism in cognitive linguistics”, *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 27, pp. 50–61.
- Jakobson, R.O. (1985), “Boas’ views on grammatical meaning”, in Jakobson, R.O. *Izbrannye trudy* [Selected writings], Progress, Moscow, USSR, pp. 231–238.
- Jakobson, R.O. (1987), “The latest Russian poetry. Sketch first. Velimir Khlebnikov”, in Jakobson, R.O., *Raboty po poetike* [Works on poetics], Progress, Moscow, USSR, pp. 272–317.
- Kuhn, Th. (1977), *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions], Progress, Moscow, USSR.
- Lotman, Yu.M. (2000), *Semiosfera: kul'tura i vzryv: Vnutri myslyashchikh mirov* [Semiosphere: Culture and explosion. Inside thinking worlds], Iskusstvo-SPB, Saint Petersburg, Russia.
- Ogden, C.K. and Richards, I.A. (1972), *The meaning of meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism*, Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., London, UK.
- Rorty, R. (ed.) (1967), *The linguistic turn: recent essays in philosophical method*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Sapir, E. (1949), “Abnormal types of speech in Nootka”, in Sapir, E. *Selected writings*, University of California Press, Berkeley, USA, pp. 179–197.
- Sebeok, Th.A. (2001), *Signs: an introduction to semiotics*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.

- Shcherba, L.V. (1974), "On the triple aspect of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics", in Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 24–39.
- Shklovskii, V. (2000), "Abstruse language and poetry", in *Russkii futurizm: Teoriya. Praktika. Kritika. Vospominaniya* [Russian Futurism: Theory. Practice. Criticism. Memories], IMLI RAN, Nasledie, Moscow, Russia, pp. 258–265.
- Starobinski, J. (1979), *Words upon words: the anagrams of Ferdinand de Saussure*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Tesnière, L. (2015), *Elements of structural syntax*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands.
- Uspenskii, B.A. (2007), *Ego Loquens: Yazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo* [Ego Loquens: language and communication space], RGGU, Moscow, Russia.
- Vel'mezova, E.V. (2014), *Istoriya lingvistiki v istorii literatury* [History of linguistics in the history of literature], Indrik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Владимир В. Фещенко, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Бол. Кисловский пер., д. 1; vladimurfeshchenko@iling-ran.ru

Information about the author

Vladimir V. Feshchenko, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 1, Bol. Kislovsky Line, Moscow, Russia, 125009; vladimurfeshchenko@iling-ran.ru